

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 2 (131), с. 46–58.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 2 (131), pp. 46–58.

Обзорная статья

УДК 80

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-4>

<https://elibrary.ru/xmvttd>

К проблеме изучения теории автоинтертекстуальности в современном литературоведении

Анна Алексеевна Бужинская

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

a.buzjinskaya@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7779-6275>

Аннотация. Целью данной работы является анализ существующих в современном литературоведении проблем, связанных с определением автоинтертекстуальности, выявлением объекта в исследованиях автоинтертекстуальности и поиском актуальной методологии. В статье рассматривается возникновение автоинтертекстуальности из интертекстуальности, место автоинтертекстуальности в различных классификациях интертекстуальных отношений, а также существующие классификации автоинтертекстуальных отношений. В ходе анализа терминологических расхождений было выявлено, что термины «автоинтертекстуальность» и «автотекстуальность», используемые в отечественной и зарубежной научной литературе соответственно, имеют различные оттенки значения, что оказывает влияние на направление научных исследований. Анализируются и причисляются к разряду исследований автоинтертекстуальности работы, посвященные повторам и переписыванию. При изучении отечественной литературы, посвященной автоинтертекстуальным отношениям, выявлено, что актуальным направлением в рамках исследований по настоящей теме является изучение автоинтертекстуальных связей через автокоммуникацию, расщепленность авторского сознания.

Ключевые слова: автоинтертекстуальность, интертекстуальность, автокоммуникация, самоповтор, самоцитация

Для цитирования: Бужинская А. А. К проблеме изучения теории автоинтертекстуальности в современном литературоведении. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 2 (131), с. 46–58. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-4>; EDN: XMVTDT

To the problem of studying the theory of autointertextuality in modern literary studies

Anna A. Buzhinskaya

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia

a.buzjinskaya@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7779-6275>

Abstract. The aim of this article is to analyse the problems that exist in contemporary literary studies related to the definition of autointertextuality, the identification of the object in studies of

autointertextuality, and the search for a relevant methodology. The article analyses the emergence of autointertextuality from intertextuality, the place of autointertextuality in various classifications of intertextual relations, as well as existing classifications of autointertextual relations. In the course of analysing terminological discrepancies, it has been found that the terms “autointertextuality” and “autotextuality”, used in domestic and foreign scientific literature, respectively, have different shades of meaning, which influences the direction of scientific research. Studies focused on repetition and rewriting are analysed and classified as studies of autointertextuality. In the course of analysing domestic literature considering autointertextual relations, it has been found that a relevant direction in research on this topic is the study of autointertextual connections through autocommunication and the fragmentation of the author’s consciousness.

Keywords: autointertextuality, intertextuality, autocommunication, self-repetition, self-citation

For citation: Buzhinskaya A. A. To the problem of studying the theory of autointertextuality in modern literary studies. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 2 (131), pp. 46–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-2-131-4>; EDN: XMVTDT

Введение

В 2021 г. на английском языке вышел перевод исследования болгарского ученого Р. Коларова “Repetition and creation poetics of autotextuality”, которое уже активно цитируется другими специалистами¹ и оказывает влияние на современные научные работы, посвященные автоинтертекстуальности. В русскоязычных публикациях подход Р. Коларова еще не был отмечен, но в последние годы появляется все больше исследований по автоинтертекстуальности, – это указывает на то, что труды, связанные с авторством, становятся востребованы и выходят из-под тени интертекстуальности. Исходя из этого, нам необходимо: изучить тенденции, существующие в исследованиях автоинтертекстуальных отношений; выявить проблемы, с которыми сталкиваются отечественные и зарубежные исследователи автоинтертекстуальности; указать перспективы данного научного направления.

Основная часть

Автоинтертекстуальность и интертекстуальность

Мы выделили три главные проблемы в исследованиях автоинтертекстуальности: 1) проблема терминологии; 2) проблема выявления объекта; 3) проблема методологии.

В рамках уже сложившейся в отечественном литературоведении традиции мы начнем разговор об автоинтертекстуальности с интертекстуальности – более широкой и первичной категории, не столько из историко-генеалогических соображений, сколько из-за того, что основные проблемы автоинтертекстуальности обусловлены наличием связи с интертекстуальностью. Стоит изучить вопрос о том, как автоинтертекстуальность возникла из интертекстуальности и каким образом соотносится с ней.

---

¹ Wojtas P. The Thunderstorm of Repetition in the Works of Max Porter. *English Studies*, 2021, no. 102 (6), p. 15; Nikolchina M. Revolution and Time in Kristeva’s Writing. *Diacritics*, 2017, no. 45 (3), p. 31; Bjelica P. Let the other be: Hamlet-ideologemes in Dostoevsky’s Demons: Doctoral Thesis. Verona, 2022. 264 p.

Интертекстуальность была и остается одной из самых распространенных и влиятельных теорий последних десятилетий в науках о языке и литературе. В то же время многие ученые справедливо отмечают, что этот ныне широко используемый термин имеет высокую степень неоднородности трактовки. В настоящее время в исследованиях по теме выделяют «широкую» (радикальную) и «узкую» концепцию интертекстуальности¹. «Широкая» концепция интертекстуальности, на которую сильно повлияла постструктуралистская мысль Ю. Кристевой и Р. Барта, рассматривает все тексты как интертексты, утверждая, что каждый из них переплетен с бесконечной сетью других текстов. Актуализируя не намерения отдельного автора, а процессы, происходящие в самой текстуальности, данная концепция сместила фокус внимания с автора на безличный текст, а позднее – на восприятие текста читателем. Такой подход снизил степень авторской значимости в качестве творца произведения, превращая процесс чтения в отслеживание интертекстуальных связей. Благодаря признанию, которое получила теория интертекстуальности в трактовке Кристевой-Барта, исследования взаимосвязей между текстами одного автора оказались в достаточной степени маргинальны.

Хотя радикальная трактовка интертекстуальности Кристевой-Барта считается классической, «популярность» теории принесло ее существование в виде «узкой» модели, которую чаще всего и используют в исследованиях автоинтертекстуальности. «Узкая» модель рассматривает интертекстуальность не как свойство текстов вообще, а сводит вопрос о взаимодействии текстов к связям конкретных фрагментов произведений².

Разделение на «широкую» и «узкую» концепцию соответствует тому, как интертекстуальность с точки зрения семиотического подхода разделяется на два противоположных течения. С одной стороны, можно выделить структуралистов, которые предполагают, что значение текста или совокупности текстов может быть заключено в описании элементарных единиц и их систематических или повторяющихся связей; с другой стороны – критиков структурализма, которые подчеркивают неоднозначность основных понятий и подвергают сомнению знаковое отношение (означающее – означаемое)³.

Главным представителем «узкой» концепции стал Ж. Женетт. Для него характерно подразделение интертекстуальности на типы⁴. Его классификация типов взаимоотношений текстов включает в себя пять категорий: 1) архитекстуальность – отно-

¹ Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009, с. 180; Филиппова А. К. *Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя: на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2013, с. 13; Илунина А. А. Теоретические аспекты проблемы интертекстуальности в современном литературоведении. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2013, № 4 (295), с. 38.

² Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009, с. 184.

³ Nas A. *John Barth's later fiction: intertextual readings, with emphasis on Letters: Doctoral Thesis*. University of Cape Town, 1979. 23 p.

⁴ Кулакова О. К. Различные подходы к определению интертекстуальности. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2011, № 2, с. 132.

шения текстов внутри жанровой категории; 2) паратекстуальность – соотношение текста со своим паратекстом (предисловие, послесловие, эпиграф); 3) метатекстуальность – комментарий к другому тексту; 4) гипертекстуальность – любые отношения, связывающие последующий текст (гипертекст) с предыдущим текстом (гипотекст); 5) интертекстуальность – отношение соприсутствия между двумя или несколькими текстами (аллюзия, цитата, плагиат)¹. Данная классификация является одной из самых известных и часто лежит в основе других классификаций интертекстуальности. Н. А. Фатеева совмещает классификации Ж. Женетта и П. Торопа для формирования собственной классификации интертекстуальности. Помимо этого, классификация Ж. Женетта используется и в современных научных работах².

Постепенно появился целый пласт «текстуальностей». Традиция подразделять интертекстуальность на типы привела к появлению автоинтертекстуальности (термин введет французским исследователем Л. Дэлленбахом в 1976 г. в работе “Intertexte et autotexte”). Наиболее распространенной стала следующая триада терминов, внимание которых сосредоточено на частных формах межтекстового взаимодействия: собственно интертекстуальность; автоинтертекстуальность; интратекстуальность.

Постепенно и автоинтертекстуальность начала распадаться на «типы». М. Кутюрье в своем исследовании творчества Владимира Набокова “Nabokov ou la tyrannie de l’auteur” (1993) разграничивает «стернианский» и «прустовский» / «джойсовский» типы автотекстуальности. «Стернианский» вариант предполагает использование более ранних текстов автора в новом произведении. Этот тип представляет собой прямую и зачастую явную форму самоцитирования. «Прустовский» или «джойсовский» вариант предполагает художественную интерпретацию жизненного опыта и биографии автора в рамках вымышленного повествования. Эта категория показывает, как авторы используют эпизоды из своей жизни, перерабатывая и трансформируя их в вымышленном повествовании³.

А. К. Филиппова в своей кандидатской диссертации «Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя (на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна)» (2013) выделяет в идиостиле Томаса Манна два вида автоинтертекстуальности: 1) автоэпитекстуальность – вид автоинтертекстуальности, который локализован во вторичных нефикциональных текстах (автокомментарий, авторецензия); 2) «ризоматическая» автоинтертекстуальность – проявляется в разветвленных тема-

¹ Кулакова О. К. Различные подходы к определению интертекстуальности. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2011, № 2, с. 132.

² Hébert L. *An Introduction to Applied Semiotics: Tools for Text and Image Analysis*. London: Routledge, 2019. 12 p.

³ Couturier M. *Nabokov ou la tyrannie de l’auteur*. Paris: Seuil, 1993. 415 p.

тических и формально-языковых проекциях фикциональных и нефикциональных текстов друг на друга внутри их тематически связанной совокупности¹.

Луи Эбер в своей работе “An introduction to applied semiotics, tools for text and image analysis” (2020) выделяет автотекстуальность с саморепрезентацией (autotextuality with self-representation), автотекстуальность без саморепрезентации и саморефлексивности (autotextuality with no self-representation or self-reflexivity), автотекстуальность с саморефлексивностью и саморепрезентацией (autotextuality with self-reflexivity and self-representation)² и т. д.

Проблема терминологии

Первая из терминологических проблем, с которой сталкиваются исследователи, связана с самим понятием «автоинтертекстуальность». В отечественном литературоведении закрепилась развернутая версия термина, в мировой же науке зачастую используется термин «автотекстуальность», введенный Л. Дэлленбахом. Порой то, что мы понимаем под словом автотекстуальность, обозначают словом «интратекстуальность» (intratext)³, хотя в основном это слово используется для связей внутри одного произведения. Существуют работы, в которых автоинтертекстуальность называется иначе, например, внутренняя интертекстуальность (internal intertextuality⁴) и ограниченная интертекстуальность (intertextualité restreinte⁵), но в последнее время термин «автотекстуальность» все же перестал подвергаться сомнению и используется повсеместно.

Существует ли содержательное различие между автоинтертекстуальностью и автотекстуальностью? На первый взгляд, нет. И под автотекстуальностью, и под автоинтертекстуальностью понимают диалог между текстами, написанными одним и тем же автором. На практике же, что и доказывается работой Р. Коларова, дополнительная приставка «интер», унаследованная от интертекстуальности, сильнее привязывает исследователей к изначальной категории, тогда как исследования автотекстуальности в настоящее время способны уходить в сторону от интертекстуальных исследований и искать основу поэтики автотекстуальности, в том числе и в рамках междисциплинарных исследований. Возможно, именно в терминологии следует искать причину того, что в западных работах исследования, посвященные автоинтертекстуальности, опираются на естественно-научные образы. Помимо Р. Коларова, также необходимо отметить румынскую исследовательницу Пиа Брынзеу, которая в своей статье “Surfictional intratextuality: raymond federman” (2009) изучает закономерности

¹ Филиппова А. К. *Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя: на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2013, с. 5.

² Hébert L. *An Introduction to Applied Semiotics: Tools for Text and Image Analysis*. London: Routledge, 2019. 14 p.

³ Brînzeu P. Surfictional Intratextuality: Raymond Federman. *AMERICANA E-Journal of American Studies in Hungary*, 2009, no. 5 (2). Available at: <https://www.americanaejournal.hu/index.php/americanaejournal/article/view/45322> (accessed: 27.05.2025).

⁴ Ungureanu-Atănașoae A. The concept of intertextuality in Gheorghe Crăciun's novels. *Bulletin of the Transilvania University of Brașov. Series IV: Philology and Cultural Studies*, 2013, vol. 6 (55), no. 2, p. 15.

⁵ Kolarov R. *Repetition and Creation. Poetics of Autotextuality*. New York: Routledge, 2021, p. 10.

автоинтертекстуальных повторений писателя Рэймонда Федермана с помощью квантового принципа дуализма частицы и волны.

Но это лишь один из вопросов, который встает перед нами, когда мы говорим о проблемах терминологии в исследованиях автоинтертекстуальности. Наиболее значимой проблемой является то, что в исследованиях автоинтертекстуальных связей не всегда звучит сам термин «автоинтертекстуальность». Существует значительная группа ученых, которая фокусируется не на интертекстуальном аспекте, а на непроизвольном повторении или даже сознательном плагиате. Использующиеся в данном случае термины придают автоинтертекстуальным связям негативную коннотацию: self-repetition, self-duplication, автоповтор, самоповтор. Также есть группа терминов, подчеркивающая сознательный характер повтора: self-quotation, self-imitation, self-referentiality, самоцитация; и термины, отражающие не межтекстовые связи, а фокусирующиеся на том, что автор пытается выразить: rewriting, переписывание.

Нужно признать, что не брать во внимание отношения между произведениями одного автора совершенно не получалось даже после выхода статьи Р. Барта «Смерть автора» (1967), хотя она и приостановила изучение всего, что было связано с авторством. Факт наличия у текста автора не вызывает никакого сомнения. Если мы обратимся к перечню тем диссертаций последних лет, то увидим достаточно большое количество работ, в заголовки которых вынесено имя автора, тот или иной аспект творчества которого изучается. Жанры в творчестве автора, поэтика, аксиология, принципы работы, общие мотивы, идеи, стилистические явления, персонажи, даже интертекстуальный аспект в творчестве какого-либо автора – все темы, которые анализируют что-то «в творчестве» одного автора, по сути своей автоинтертекстуальны.

В этом смысле характерен доклад Мишеля Фуко, прочитанный им на заседании Французского философского общества 22 февраля 1969 года в Колледж де Франс: «Ни Гермес, ни Гиппократ не существовали в том смысле, в каком мы можем сказать, что существовал Бальзак, но тот факт, что несколько текстов были закреплены за одним именем, подразумевает, что между ними были установлены отношения гомогенности, родства, взаимного объяснения, аутентификации или общего использования»¹. Смещение фокуса внимания с автора и его личности на безличный текст заставляет нас игнорировать связи, которые возникают между автором и читателем (в этом смысле гораздо более правдоподобна «узкая» модель интертекстуальности, которая предполагает, что означаемое, передающееся через означающее от автора к читателю, может быть расшифровано). М. Кютюрье писал: «Когда Кальвино рекламирует себя в начале своего романа <...>, он стремится прежде всего установить парадоксальную коммуникацию между собой и читателем, сделав себя объектом собственного дискурса»².

Таким образом, исследования автоинтертекстуальности архаичны, но неизменно обновляются. Архаичны в том смысле, что вопрос об атрибуции, опровержении или установлении истинного авторства, о потерянных произведениях стоит перед цело-

¹ Фуко М. *Что такое автор?* URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/788> (дата обращения: 12.05.2025).

² Couturier M. *Nabokov ou la tyrannie de l'auteur*. Paris: Seuil, 1993. 415 p.

вечеством со времен начала письменности. Актуальность же их в том, что в настоящее время работы по автоинтертекстуальности включаются, например, в исследования произведений жанра автофикшн (*autofiction*), ставшего популярным в конце XX – начале XXI века¹. Исследования, касающиеся категории авторства, перестают быть маргинальными. Об этом говорит, например, недавняя публикация, посвященная автокомментированию (самокомментированию) авторов XV–XVII вв. собственных произведений, которым до этого уделялось мало внимания, по оценке редактора сборника, потому что критики слишком осторожно подходили к авторству после того, как Р. Барт в 1967 году провозгласил «смерть автора»².

Посвящены ли исследования самоповторов автоинтертекстуальности? Мы склонны полагать, что так и есть. При этом нам кажется, что, возможно, автоинтертекстуальность – несколько неудачный термин. Р. Коларов не зря вынес слово «автоинтертекстуальность» в подзаголовок в своей работе, подчеркнув при этом слово «повторение». Мы думаем, что все это можно было бы объединить под каким-то другим термином, потому что совершенно очевидно, что к классической интертекстуальности автоинтертекстуальность имеет довольно мало отношения, а подчас и вовсе противоречит ей. В то же время термин «автоинтертекстуальность» уже достаточно известен для того, чтобы и впредь его использовать.

Проблема выявления объекта исследования

Очевидно, что силу «классической» теории Кристевой-Барта придают ее цельность и бескомпромиссность, основанные на недоверии к означаемому, в то время как автоинтертекстуальность является частью той концепции интертекстуальности, которая «оптимистично» настроена по отношению к возможности «расшифровки» знака, отсюда и многочисленные попытки классифицировать интертекстуальность так, чтобы уловить малейшие оттенки значения. Ее преимуществом является то, что она обладает прикладным характером, т. е. позволяет исследовать то, каким образом связаны изучаемые тексты между собой. Значительным недостатком «узкой» модели считается отсутствие собственно новой методологии, с помощью которой можно было бы проводить интертекстуальный анализ. На этом сходятся многие исследователи, говоря о том, что изучение аллюзий и отсылок не является в теоретическом плане принципиально новым.

В настоящее время исследования автоинтертекстуальности можно разделить на два направления. Одно из них – исследование автоинтертекстуальности только у определенных групп текстов: постмодернистская игра автора с собственными произведениями в первую очередь становится объектом автоинтертекстуального исследования. Это объясняет тот факт, что большое количество работ по автоинтертекстуальности посвящено авторам, чьи тексты можно назвать постмодернистскими (Д. Барт, Д. Джойс, В. В. Набоков). В то же время значительная часть исследований автоинтертекстуальности развивалась в другом направлении и опиралась на анализ творчества авторов более ранних текстов (А. И. Куприн, Ф. М. Достоевский,

¹ O'Sullivan S. *On Theory-Fiction and Other Genres*. London: Palgrave Macmillan Cham, 2024. 63 p.

² Venturi F. *Self-Commentary in Early Modern European Literature, 1400–1700*. Leiden-Boston: Brill, 2019, vol. 62, 431 p. EDN: NNXHAD

М. Ю. Лермонтов, Б. Л. Пастернак, Н. М. Рубцов, У. Блейк, А. И. Свирский), тех, чье повторение находится на грани неосознанного, обусловлено культурной традицией (Франкфьен) или техническими причинами (А. Г. Битов). В этом контексте очень важна роль М. Кутюрье, который актуализировал автоинтертекстуальные исследования для не-постмодернистских текстов. Л. Стерн, как он отмечает, дословно использует одну из своих собственных проповедей в «Тристане Шэнди», приписывая ее Йорику, одному из героев романа¹, и Кутюрье называет это автоинтертекстуальностью.

Таким образом, объектами автоинтертекстуальных исследований могут быть не только постмодернистские, но и все художественные тексты. Более того, мы осмеливаемся сказать, что в автоинтертекстуальный анализ могут включаться все виды повествования, что бесконечно расширяет научное поле для исследователей в данном направлении.

Проблема поиска методологии

Встает достаточно важный вопрос методологического плана: как исследовать автоинтертекстуальность? Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что многие исследования автоинтертекстуальности могут подводиться под актуальную литературоведческую повестку, хотя при ближайшем рассмотрении в этих работах данное понятие никак не разрабатывается. Так как автоинтертекстуальность является в определенном смысле «продуктом распада» интертекстуальности именно в «узкой» модели, подозрение о том, что это понятие является продуктом «инфляции»² интертекстуальности и не представляет особого научного интереса, кажется естественным.

Проанализировав имеющиеся исследования автоинтертекстуальности, мы пришли к выводу, что наиболее плодотворными из них оказались те, что рассматривали автоинтертекстуальные связи через автокоммуникацию, расщепленность авторского сознания на основе теории семиотической модели коммуникации Ю. М. Лотмана.

Опираясь на работы Р. Якобсона, Ю. М. Лотман создал свою модель коммуникации в системе культуры, которая отвечала складывающимся в психологии представлениям о «гетерогенности» сознания и иллюзорности единства «Я». Помимо коммуникации по направлению «Я – ОН» он предусмотрел коммуникацию по направлению «Я – Я». Различие между ними сводилось к тому, что в системе «Я – ОН» информация перемещается в пространстве, а в системе «Я – Я» – во времени, при этом воспринимающее второе «Я» функционально приравнивается к третьему лицу³. Ю. М. Лотман отмечал, что передаваемое в системе «Я – Я» сообщение, формально оставаясь тем же, получает некую дополнительную значимость⁴. Подход к изучению автоинтертекстуальных связей, основанный на этой коммуникативной модели, в настоящее время реализуется в отечественном литературоведении, даже несмотря на

¹ Couturier M. *Nabokov ou la tyrannie de l'auteur*. Paris: Seuil, 1993. 415 p.

² Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009, с. 184.

³ Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры, 1996, с. 24.

⁴ Там же, с. 25.

то, что в последних русскоязычных работах автоинтертекстуальные отношения являются как «мало исследованные»¹.

Научные работы по автоинтертекстуальности, доступные на русском языке, действительно немногочисленны. Благодаря этому выстраивается четкая картина научно-исследовательской работы, проведенной по данной теме. Стоит отметить, что на Л. Дэлленбаха в отечественных работах ссылаются разве что в сугубо библиографических целях. Актуальным зарубежным трудом по теме стала уже упомянутая монография М. Кутюрье. Она не переведена на русский язык, а в отечественный научный оборот ее ввел И. В. Волков в кандидатской диссертации «Интертекстуальность и пародия в творчестве Джона Барта» (2006) и ряде статей. А. К. Филиппова в своей кандидатской диссертации «Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя (на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна)» (2013) ссылается на оба этих исследования².

Монография Н. А. Фатеевой «Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности» (2007) внесла значительный вклад в изучение автоинтертекстуальности в отечественной науке. Она опирается на ряд работ по теме, но ее видение автоинтертекстуальности отличается сугубой оригинальностью. К сожалению, теоретические разработки Фатеевой до сих пор практически не нашли продолжения в работах других исследователей. В ряде статей отмечается, что она ввела в научный оборот термин «автоинтертекстуальность»³ или дается ссылка на достаточно общие для интертекстуальных исследований понятия, такие как «претекст»⁴. В теоретические проблемы автоинтертекстуальности как таковой авторы подобных работ при этом не углубляются. Тем не менее, вклад Фатеевой был отмечен в нескольких работах: во-первых, это уже упомянутая нами диссертация А. К. Филипповой; во-вторых, статья Н. А. Лунькова «Автоинтертекстуальность в прозе С. Стратиева» (2019), который ссылается и на Н. А. Фатееву, и на А. К. Филиппову.

В чем же значимость этого нового направления в изучении автоинтертекстуальных отношений? Н. А. Фатеева обнаруживает существование групп текстов, которые «имеют различное выражение по оси поэзия-проза»⁵, но тем не менее обладают се-

¹ Филиппова А. К. *Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя: на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2013, с. 59; Волков И. В. *Интертекстуальность и пародия в творчестве Джона Барта*: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: [б. и.], 2006, с. 148.

² Филиппова А. К. *Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя: на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2013, с. 59.

³ Битокова М. В. К вопросу о самоповторах: самоплагиат или автоинтертекстуальность? *Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова*. Краснодар: Экоинвест, 2014, ч. 1, с. 231.

⁴ Даракчи М. И. Автоинтертекстуальность творчества А. И. Куприна (на материале повестей «Суламифь», «Гранатовый браслет» и стихотворения «Навсегда»). *Филологический класс*, 2012, с. 110.

⁵ Фатеева Н. А. *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*. Москва: Комкнига, 2006, с. 91.

мантической эквивалентностью. Вслед за А. Юнгрен она называет их «близнечными текстами»¹. Также Н. А. Фатеева затрагивает вариант межъязыковой и интермедальной автоинтертекстуальности. Во всех случаях здесь наблюдается разделение сознания, которое позволяет автору взглянуть на свои собственные произведения как на объект чужого высказывания. Диалог поэтической и прозаической художественной формы, выявленный Фатеевой, выступает основой для поиска связей между различными видами повествования, в частности – фикциональным и фактуальным. Примером исследования их взаимодействия является кандидатская диссертация А. К. Филипповой, в которой она ставила своей целью изучение форм автоинтертекстуальности, которые связывают фикциональные и фактуальные (у А. К. Филипповой – «нефикциональные») тексты Т. Манна и являются одним из способов объективации концептуально-языковой картины мира писателя². К примеру, она изучает один и тот же эпизод (заражение Ф. Ницше сифилисом), изображенный Т. Манном в целом ряде фактуальных и фикциональных текстов, таких как эссе «Философия Ницше в свете нашего опыта» и роман «Доктор Фаустус». Ее сравнительный анализ демонстрирует, какие изменения претерпевает один и тот же мотив в различных видах повествования и какие добавочные смыслы при этом возникают.

Несмотря на то, что А. К. Филиппова цитирует Н. А. Фатееву как одного из наиболее значимых исследователей по теме, она не указывает на существование связи между рассмотрением автоинтертекстуальности Фатеевой (поэзия-проза) и собой (фикциональные-фактуальные тексты), хотя также опирается на Ю. М. Лотмана и его коммуникативную модель. Мы же видим здесь одну и ту же закономерность в исследованиях автоинтертекстуальности, основанную на автокоммуникации. Данное направление в изучении автоинтертекстуальности представляется нам наиболее перспективным за счет возможности проведения эффективного сравнительного стилистического и содержательного анализа.

Таким образом, мы видим, что основная методологическая проблема исследований автоинтертекстуальности заключалась в отсутствии теоретической новизны в работах, хотя новый термин, казалось, заявлял об этом. В отечественном литературоведении возникла оригинальная научно-исследовательская традиция, которая позволяет взглянуть на автоинтертекстуальные связи под новым углом. Изучение автоинтертекстуальных связей между разными в дискурсивном отношении текстами позволяет проследить за процессами текстопорождения и «расшифровкой» индивидуально-авторского кода, внося тем самым научную новизну в автоинтертекстуальные исследования.

Выводы

Итак, мы проанализировали существующие в современном литературоведении проблемы, касающиеся вопросов исследования автоинтертекстуальности. Проведен-

¹ Фатеева Н. А. *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*. Москва: Комкнига, 2006, с. 91.

² Филиппова А. К. *Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя: на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2013, с. 5.

ный анализ показал следующее. Во-первых, все исследования, посвященные самоповторам, самоцитации и самоплагиату, следует причислить к работам по автоинтертекстуальности; сам же термин «автоинтертекстуальность», закрепившийся в отечественной науке, следует использовать и дальше, несмотря на некоторые недостатки этого наименования. Во-вторых, мы выяснили, что объектом исследования автоинтертекстуальных связей становились и могут становиться в дальнейшем все виды повествовательных текстов без ограничений. В-третьих, проанализировав отечественные исследования автоинтертекстуальных связей, мы выявили перспективное научное направление, основанное на теории семиотической модели коммуникации Ю. М. Лотмана, которое обладает высоким научным потенциалом для специалистов в данной области.

Список литературы / References

Битокова М. В. К вопросу о самоповторах: самоплагиат или автоинтертекстуальность? *Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова*. Краснодар: Экоинвест, 2014, ч. 1, с. 226–233. EDN: TCZETF

Bitokova M. V. To the question of self-repetition: self-plagiarism or auto-intertextuality? *Lermontov in the historical destiny of the peoples of the Caucasus: Proceedings of the All-Russian scientific conference held to celebrate the 200th anniversary of the birth of M. Yu. Lermontov*. Krasnodar: Ekoinvest, 2014, part 1, pp. 226–233. (In Russ.) EDN: TCZETF

Волков И. В. *Интертекстуальность и пародия в творчестве Джона Барта*: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: [б. и.], 2006. 224 с. EDN: NNXHAD

Volkov I. V. *Intertextuality and parody in the work of John Barth*: Cand. thesis in Philological Sciences. Rostov-on-Don, 2006. 224 p. (In Russ.) EDN: NNXHAD

Даракчи М. И. Автоинтертекстуальность творчества А. И. Куприна (на материале повестей «Суламифь», «Гранатовый браслет» и стихотворения «Навсегда»). *Филологический класс*, 2012, с. 110–115. EDN: PXXLQV

Darakchi M. I. Autointertextuality in the works of A. I. Kuprin (on the material of the stories “Shulamith”, “Garnet bracelet” and the poem “Forever”). *Philological Class*, 2012, pp. 110–115. (In Russ.) EDN: PXXLQV

Илунина А. А. Теоретические аспекты проблемы интертекстуальности в современном литературоведении. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2013, № 4 (295), с. 36–39. EDN: PXDGQV

Ilnina A. A. Theoretical aspects of the problem of intertextuality in the modern literature studies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 4 (295), pp. 36–39. (In Russ.) EDN: PXDGQV

Кулакова О. К. Различные подходы к определению интертекстуальности. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2011, № 2, с. 131–136.

Kulakova O. K. Different approaches to the definition of intertextuality. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2011, no. 2, pp. 131–136. (In Russ.)

Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Lotman Ju. M. *Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996. 464 p. (In Russ.)

Фатеева Н. А. *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*. Москва: Комкнига, 2006. 280 с. EDN: SJABEH

Fateeva N. A. *Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality*. Moscow: Komkniga, 2006. 280 p. (In Russ.) EDN: SJABEH

Филиппова А. К. *Автоинтертекстуальность как составляющая концептуально-языковой картины мира писателя: на материале фикциональных и нефикциональных текстов Томаса Манна*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2013. 200 с. EDN: SUUJYN

Filippova A. K. *Autointertextuality as a component of the conceptual-linguistic picture of the writer's world: based on the material of fictional and non-fictional texts by Thomas Mann*: Cand. thesis in Philological Sciences. St Petersburg, 2013. 200 p. (In Russ.) EDN: SUUJYN

Фуко М. *Что такое автор?* URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/788> (дата обращения: 12.05.2025).

Fuko M. *What does the author mean?* Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/788> (accessed: 12.05.2025). (In Russ.)

Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с. EDN: ZFQAKN

Cherniavskaia V. E. *Text linguistics: Polycodicity, intertextuality, interdiscursivity*. Moscow: LIBROKOM, 2009. 248 p. (In Russ.) EDN: ZFQAKN

Bjelica P. *Let the other be: Hamlet-ideologemes in Dostoevsky's Demons*: Doctoral Thesis. Verona, 2022. 264 p.

Brinzeu P. 2009. Surfictional Intratextuality: Raymond Federman. *AMERICANA E-Journal of American Studies in Hungary*, 2009, no. 5 (2). Available at: <https://www.americanaejournal.hu/-index.php/americanajournal/article/view/45322> (accessed: 27.05.2025).

Couturier M. *Nabokov ou la tyrannie de l'auteur*. Paris: Seuil, 1993. 415 p.

Hébert L. *An Introduction to Applied Semiotics: Tools for Text and Image Analysis*. London: Routledge, 2019. 302 p. <https://doi.org/10.4324/9780429329807>; EDN: PXDGQV

Kolarov R. *Repetition and Creation. Poetics of Autotextuality*. New York: Routledge, 2021. 266 p. <https://doi.org/10.4324/9781003032304>

Nas A. *John Barth's later fiction: intertextual readings, with emphasis on Letters*: Doctoral Thesis. University of Cape Town, 1979. 365 p.

Nikolchina M. Revolution and Time in Kristeva's Writing. *Diacritics*, 2017, no. 45 (3), pp. 76–98. <https://doi.org/10.1353/dia.2017.0013>

O'Sullivan S. *On Theory-Fiction and Other Genres*. London: Palgrave Macmillan Cham, 2024, XIII, 157 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-65072-7>.

Ungureanu-Atănăsoaic A. The concept of intertextuality in Gheorghe Crăciun's novels. *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series IV: Philology and Cultural Studies*, 2013, vol. 6 (55), no. 2. pp. 13–16.

Venturi F. *Self-Commentary in Early Modern European Literature, 1400–1700*. Leiden-Boston: Brill, 2019, vol. 62, 431 p. EDN: NNXHAD

Wojtas P. The Thunderstorm of Repetition in the Works of Max Porter. *English Studies*, 2021, no. 102 (6), pp. 1–22. <https://doi.org/10.1080/0013838X.2021.1952532>; EDN: KSDMNJ

Сведения об авторе

Бужинская Анна Алексеевна – аспирант, ассистент кафедры литературы; <https://orcid.org/0009-0005-7779-6275>, a.buzjinskaya@narfu.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, набережная Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Anna A. Buzhinskaya** – Postgraduate Student, Assistant Lecturer of the Department of Literature, <https://orcid.org/0009-0005-7779-6275>, a.buzjinskaya@narfu.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina nab., 163002 Arkhangelsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 29.05.2025; одобрена после рецензирования 26.07.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted 29.05.2025; Approved after reviewing 26.07.2025; Accepted for publication 06.10.2025.